

Отзыв официального оппонента Фоменко Светланы Владимировны
на диссертацию Даниила Павловича Адамова
«Политическая элита Великобритании в условиях национального кризиса
(1918-1924 гг.)», представленную
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Излишне говорить об огромной роли в жизни общества элиты. Не случайно среди многочисленных типологий современных политических режимов существуют и такие, что акцентируют внимание на способности или неспособности различных частей элиты к достижению консенсуса, к обеспечению «общенационального согласия».

В отечественной историографии немало работ о проблемах британского общества межвоенного периода, о внутренней и внешней политике правительств того времени, о взаимоотношениях отдельных партий и их позиции по важнейшим социально-экономическим и политическим вопросам, включая и в рассматриваемый в данной диссертации период. Но исследований, анализирующих «роль политической элиты Великобритании в преодолении национального кризиса и трансформации партийно-политической системы» страны в 1918-1924 гг. (с.5), нет. Новизна, актуальность и научная значимость данной диссертации заключается именно в том, что Д.П. Адамов попытался ликвидировать имеющийся пробел знания, обогатив одновременно и понятийный аппарат отечественного англоведения.

Выражавшийся в «кризисе фритредовской модели в экономике, росте социальной напряжённости и политической радикализации, кризисе идеологии и дестабилизации партийной системы» (с.73-74), британский «системный» или «системный национальный» кризис, разразившийся под влиянием Первой мировой войны, полагает диссертант, явился «частным проявлением системного кризиса западной цивилизации». Вывод о том, что общенациональный кризис в Великобритании носил «цивилизационный характер» (с.12, 154), правда, не очень обоснован, как и вывод, что острейшая его фаза пришлась на 1920-22 гг. (с.150). Из содержания диссертации также не ясна и продолжительность этого кризиса.

Крупнейший британский историк, на мнение которого ссылается автор (с.12), писал не о «крахе цивилизации» вообще, а о «крахе цивилизации XIX в.». И когда он датировал этот «крах» периодом 1918-45 гг., то вёл речь о западном (капиталистическом) мире вообще. Отталкиваясь от концепции Э. Хобсбаума, Д.П. Адамов описывает ситуацию так, будто в Великобритании кризис продолжался также минимум до 1945 г. Между тем кризис партийно-политической системы страны, как явствует из главы 3-й диссертации, был преодолен уже в 1922-24 гг., когда произошло «возобновление нормальной партийной политики» - пусть и «в неустойчивом формате трёхпартийной системы» (с.2, 112, 36). Что же касается экономической составной

«национального кризиса», то историография накопила достаточное количество фактов, свидетельствующих: Британия преодолела великую для неё экономическую «депрессию» 1921-34 гг. в середине 1930-х годов.

Таким образом, с моей точки зрения, у Д.П. Адамова была возможность уточнить концепцию «самого» Хобсбаума. Упустив эту возможность, он тем не менее её обогатил, фактически показав: Великобритания могла избежать в межвоенный период необычайно длительного экономического кризиса. Но она столкнулась с непреодолимым препятствием в виде узкопартийной ориентированности подавляющей части своей политической элиты. Хотя прямо об этом в диссертации не говорится, но в ней фиксируется «недооценка элитой системности и глубины кризиса и её неспособность пойти на необходимые для его преодоления меры», вследствие чего в национальный кризис был смягчён, но не преодолен (с.76, 37).

Д.П. Адамов ещё раз подтвердил, что уже в начале 1920-х годов был предложен реальный способ ослабления остроты многих британских экономических проблем – отказ от политики свободной торговли. Но прагматический подход политической элиты, её погоня за голосами избирателя привела к тому, что верхушка консервативной партии, игравшая после войны решающую роль в политике, потерпев неудачу на парламентских выборах 1923 г. из-за пропаганды идеи протекционизма, отказалась от попыток реализации данной идеи. Для того чтобы оценить роль этого отказа в британской истории, а главное степень соответствия политической элиты страны рубежа 1910-1920-х годов запросам дня, неплохо было бы «заглянуть» в события 1931-32 гг., когда Британия наконец-то отказалась от фритреда. Но автор не считал это необходимым. Между тем периодическое «забегание» вперёд, крайне необходимое для исторических исследований (как и возвращение назад), облегчило бы ему решение некоторых задач, а главное, позволило бы избежать фактических ошибок.

Одной из таких ошибок является то и дело констатируемый в диссертации «упадок международной торговли» (с.148, 154). Сокращение товарооборота между отдельными странами и в отдельные годы межвоенного периода действительно наблюдалось. Но «упадка международной торговли» не было. Речь может идти только о сокращении в её общем объёме *удельного веса* Великобритании. Но почему этот удельный вес сократился и насколько, какие проекты его повышения предлагались различными частями национальной элиты – чётко это в диссертации не проговаривается, несмотря на то, что соответствующий материал в ней можно найти. Оказывается, даже бывший и будущий консерватор, а тогда «коалиционный либерал» У. Черчилль вынашивал «социалистическую» идею национализации шахт, руководствуясь элементарным стремлением поднять эффективность британской экономики (с.68). И он же вместе с одним из «газетных лордов» – Бивербруком поддержал накануне парламентских выборов 1918 г. идею лейбористов о введении «налога на капитал» (с.70). Господствующее же

«протекционистское крыло консерваторов» предлагало меры, близкие к чемберленовской довоенной идее имперских предпочтений (с.79).

Что касается сугубо политических проблем, волновавших политическую элиту Великобритании в 1918-24 гг., то одной из сложнейших среди них, как явствует из работы, стала возможность/неизбежность допуска в свои ряды сына сельскохозяйственного рабочего и горничной (Р. Макдональда), сына ткача (Ф. Сноудена) и других лидеров той партии, что уже в 1918 г. составила конкуренцию либералам, а после 1922 г. и формально стала одной из опор двухпартийной системы страны.

Д.Н. Адамов приходит к выводу, что «относительная умеренность и компетентность лейбористов» в период правления их первого правительства (с.143) резко увеличила шансы лидеров ЛПВ быть приобщёнными к «сонму избранных» - быть принятыми в ряды элиты. Пишет он и о том, что часть тори стала требовать после войны восстановления полномочий верхней палаты Парламента именно для того, «чтобы та стала препятствием для опрометчивых действий лейбористов в случае их прихода к власти» (с.59). Но хотелось бы услышать больше и об этом, и о других шагах, предпринимаемых представителями старой элиты для инкорпорирования части лейбористских лидеров в свои ряды в интересах обеспечения преемственности развития страны в условиях «массовой демократии».

В заключении автор называет «многообещающим социологический и личностный анализ британской политической элиты и её динамики, а также более подробное рассмотрение и взаимодействие между политической и другими элитами» (с.155). Эту констатацию оспаривать невозможно, и остаётся только пожалеть, что сам диссертант недостаточно внимания уделил «личностному анализу» и взаимодействию различных частей элиты, хотя это надо было делать, урезая фактический материал, хорошо известный англоведам: о правительственном «режиме экономии» («топоре Геддса») и событиях «чёрной пятницы» 1921 г., «деле Кэмпбелла» 1924 г. и др.

Диссертация имеет приложение № 3, содержащее «политико-биографические справки» о 50 британских общественно-государственных деятелях рубежа 1910-1920-х годов (с.176-198). (Это интересное и информативное приложение обесценивает, правда, отсутствие сносок, когда речь заходит о некоторых спорных моментах в биографиях политиков). Но остаётся не ясным: насколько полон данный список представителей политической элиты страны 1918-24 гг. и на каком основании в него попал тот или иной политик. Поскольку «не-министров» в списке всего 2-3, складывается впечатление: политики были включены в состав элиты в основном лишь потому, что какое-то время они в эти годы являлись министрами, пусть даже лишь «младшими» (с.107, 187, 191). Историкам, однако, хорошо известен феномен «бездействующего» не по своей вине министра - как и феномен «серого кардинала».

«Не-министр» Джордж Янгер, являвшийся в 1916-23 гг. председателем Консервативной партии, попал в число представителей политической элиты

страны, наверное, закономерно. Но на каком основании в это число включён никогда не являвшийся министром Джордж Лэнсбери, возглавлявший всего лишь «крайне левое крыло» ЛПВ, критиковавший политику даже «собственного» лейбористского правительства (с.186) – это непонятно. Министр первого лейбористского правительства 1924 г. известный социалист-фабианец Сидней Вебб являл собой, бесспорно, британскую элиту, но, по-видимому, элиту интеллектуальную, но не политическую. Другие же малоизвестные министры этого правительства: Дж. Клайнс, Т. Шоу и Дж. Уитли (с.183, 197, 193) - вряд ли имели какое-то отношение к элите.

Учитывая слабую разработанность отечественными обществоведами концепции элит, диссертант имел возможность обогатить представления, бытующие в среде политологов. Он действительно поднимает ряд важных вопросов, когда противопоставляет «традиционной элите» (с.138) элиту «коалиционную» (с.105) или «новую группу элиты» в лице лидеров ЛПВ (с.133), когда обращает внимание на существование «действующей и потенциальной национальной элиты» (с.148)... Но как следует понимать содержащееся в диссертации противопоставление «элитам ведущих партий», принявшим в 1918 г. решения, которые определили «основные тенденции британской политики» первых послевоенных лет, какой-то отдельной «национальной элиты» (с.75, 147)? И что это за «первый эшелон элиты», о котором речь идёт на с.93?

Констатируя, что «практически вся национальная политическая элита» Великобритании признавала сложность возникших с ноября 1918 г. «взаимосвязанных проблем», Д.Н. Адамов выделяет в этой элите «три группы по их подходу к кризису и его преодолению». И к первой он относит «социалистов, представленных в элите частью руководства лейбористов» (с.149). Автор пишет также о том, что «электоральные успехи лейбористов привели к интеграции их руководства в национальную элиту» (с.37). Но, на мой взгляд, более соответствует действительности другой его вывод, согласно которому «формирование лейбористами правительства меньшинства (в 1924 г.) ... было важной символической победой, ознаменовавшей *вступление верхушки лейбористов в национальную элиту*» (с.152).

Не очень убедительно выглядит и вывод автора о том, что вошедшие осенью 1922 г. в кабинет консерватора Бонар Лоу «менее известные и опытные члены партии» «неожиданно для самих себя стали частью элиты» (с.112). Нельзя же всерьёз полагаться на мнение «перебежчика» У. Черчилля, окрестившего данный кабинет «правительством второй сборной». Д.Н. Адамов сам обращает внимание на «солидность» правительства Бонар Лоу, где 7 министерских постов из 17 заняли члены палаты лордов и «заметным стало преобладание аристократов» (с.112). После этой констатации, казалось бы, само собой напрашивается размышление на тему того, что британская *экономическая элита*, вынужденная с конца XIX в. всё больше уступать свою *политическую* власть элите политической, пыталась взять реванш.

Диссертант, однако, даже здесь не решился поднять проблемы взаимоотношения разных частей властвующей элиты.

Но один сюжет борьбы старого «правлящего класса» за сохранение своих исключительных позиций и одновременно за стабилизацию партийно-политической системы страны Д.П. Адамовым прописан не только с достаточной полнотой, но и может считаться своего рода «ноу хау». Речь идёт о родившейся у Ллойд Джорджа и «его союзников в национальной элите и в руководстве коалиционных партий» идее «реорганизации партийной системы через создание “партии Центра”» (с.35-36) и о попытках её реализации (с.48-49, 70-73). Это наиболее оригинальная часть диссертации.

Автор обнаружил: хотя данные планы стали вынашиваться лидерами коалиционного правительства с 1916 г., а сама работа над проектом новой партии началась в 1918 г., «её корни восходили к довоенному “движению за национальную эффективность” и меморандуму Ллойд Джорджа 1910 г., содержавшему идею создания двухпартийного правительства для проведения модернизационных реформ». После же войны, пришёл к выводу Д.П. Адамов, «даже ортодоксальные представители элит обеих (буржуазных) партий начали более серьёзно рассматривать вариант реорганизации партийно-политической системы на основе “национального единства”» (с.70). Как следствие с начала 1920 г. идея «партии Центра» стала достоянием широкой публики и получила резонанс». Несмотря на то, что основной целью планов было успешное противостояние усилившейся ЛПВ, как прежде, так и теперь не исключалось привлечение в ряды «сверхмощной» буржуазной политической организации умеренных лейбористов (с.49), «патриотических элементов лейбористов» (с.72).

Автором хорошо вскрыты причины поддержки в обеих ранее правящих партиях данной идеи: если до войны образование «центристской реформаторской партии» замыслилось в основном с целью создания «парламентской основы для программы реформ» (с.49), то после войны – ещё и с целью «защиты империи и конституции от угрожающих им экстремистов» (с.72). При этом руководство консерваторов рассматривало слияние двух партий преимущественно «как логическое продолжение стратегии использования коалиции против “социалистов”»; для либералов же это был в основном «шанс сохранить влияние» в стране (с.71).

Возникновение в Парламенте Комитета новых членов, «включавшего в себя представителей обеих коалиционных партий», показывает диссертант, казалось бы, расширило базу движения в пользу объединения, которое ранее опиралось лишь на правительственную коалицию. Но поскольку, по выражению Д.П. Адамова, «произошло возрождение партийной политики» и в среде консерваторов усилилась «тенденция в пользу партийной независимости» (с.109, 92), верхушка консерваторов стала склоняться «к другой концепции слияния, при которой либералы постепенно интегрировались бы в консервативную партию» (с.73). Автором всесторонне освещены и причины данного явления: переход роли «партии прогресса» к

ЛПВ (с.60), раскол либеральной партии и окончательное обособление в январе 1922 г. «независимых» и «коалиционных» либералов (с.100), «выступление либеральных членов кабинета в пользу свободной торговли» (с.91), пусть и не очень удовлетворявшее элиту, но решение ирландского вопроса в 1921 г. (с.95-96), угроза раскола самой Консервативной партии в случае сохранения правительственной коалиции (с.108) и др.

Заключение Д.П. Адамова, что сразу после войны «ведущая роль в элите принадлежала сторонникам партийного слияния и национального единства» (с.109), хочется поставить под сомнение. А вот другой, один из основополагающих выводов соискателя сомнения не вызывает: «Партийная идентичность и связанные с ней традиционные программные и политические установки не прекращали играть важную роль в британской политике в течение всего рассматриваемого нами периода. Тем не менее, влияние этих факторов в первые годы после войны было гораздо слабее, чем до или после». Однако «по мере отступления страха перед революцией необходимость отказа от прежней партийной идентичности становилась всё менее обоснованной». И «начиная с середины 1920 г., ориентирующиеся на партийные традиции силы (внутри буржуазных партий) успешно восстановили своё влияние и свергли коалицию» (с.109-110).

Работа базируется на достаточном количестве источников, часть которых почерпнута из архива Консервативной партии в Бодлианской библиотеке Оксфорда и из архива Либеральной партии, находящегося в библиотеке Лондонской школы экономики и политических наук. Но характеристика архивных источников во введении крайне недостаточна. «Непосвящённому» остаётся только гадать, что скрывается за аббревиатурами «RAIL», «PRO», «PREM», «BBK», «DAV» и др. (с.156-157). Кроме того, упоминаемые на с. 27 «архивные дела», выложенные частично на сайте Национального архива, не совпадают с теми, что даются в списке источников и литературы (с.156). Сказанное относится и к «папкам» из архива Парламента. В сносках на с.94 вдруг появляются номера листов архивных дел, которые ранее нигде не указывались. Из списка источников выпали парламентские дебаты, тексты законов. Значимость для автора периодического издания, значащегося в списке источников под № 70 (Cobbet W. Political Register. L., 1802-1836), остаётся загадкой.

Вполне понятна, что значительная часть источников оказалась доступна Д.П. Адамову благодаря Интернету. Но никто не поверит, что в последний раз автор обращался ко всем этим многочисленным документам и работам в один и тот же день – 3 октября 2017 г. (см.: список источников и литературы, а также с.48, 50, 52-53, 66, 78, 114-115 и т.д.). Меня удивило и нелогичное оформление сносок: название британских периодических изданий даётся на английском языке, а название месяцев – на русском (с.57, 61-62, 65, 69-70, 72, 79, 83, 86-87, 90, 96, 98-99).

В наши времена – во время вопиющей неграмотности даже части «культурно-интеллектуальной» элиты РФ – приятно читать работу,

изложенную нормальным русским языком - литературным и научным. Но некоторые пассажи диссертации, связанные в основном с авторским переводом, вызывают недоумение. При склонении двойной фамилии Ллойд Джорджа автором совершенно верно склоняется только вторая фамилия, а в случае с такой же фамилией Бонар Лоу – почему-то обе её части (с.58, 72, 113, 119, 121, 129, 144-145, 151 и др.). В одном ряду разочарованных в политике первого лейбористского правительства оказываются «стачечники, коммунисты и левые радикалы» (с.128). Трудно понять, что означает: «*лейбористы в парламенте и ряд других профсоюзов*» (с.131); «в палату общин вошло большое количество *прибыльчиков*» (с.62); «*строить дома не на выдачу, а на продажу*» (с.121), «*домостроительство*» (с.74-84) и т.п.

Но с чем уж действительно трудно примириться, так это с голословностью авторских утверждений. Воссоздаваемые Д.П. Адамовым политические «герои» молчат. (В главах диссертации вряд ли найдётся свыше десятка цитат, объём которых более строчки). Вместо действовавших на арене истории лиц говорит сам автор. А это неизбежно порождает искажение мыслей тех, о ком идёт речь. Примеров такого рода искажений и одновременно примеров «осовременивая» истории немало. Вот как, например, характеризуются взгляды Стэнли Болдуина: «Отвергая *радикальный центризм* (?!), Болдуин полагал, что в интересах нации – наличие двух партий с противоположными взглядами, способных идти на компромисс – лейбористов, представляющих законные интересы профсоюзных рабочих ..., и консерваторов, выступающих за средний класс и капитал и защищающих частную собственность» (с.120). При всём желании вряд ли удастся найти в выступлениях или письмах Болдуина мысль, что консерваторы выступали «за средний класс и капитал и защищают частную собственность».

Диссертант также постоянно подчёркивает приверженность лидеров ЛПВ идеям «демократического социализма»: «Сноуден и Макдональд были главными пропагандистами «демократического социализма» (с.90) и т.п. Но, судя по монографиям И.Н. Ундасынова, Е.Г. Блосфельд, а также по вводной части «классической» работы С.П. Перегудова «Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании», понятие «демократический социализм» в дискурсе тогдашних лейбористов отсутствовало. В списке использованных Д.П. Адамовым работ числятся, однако, статьи его самого, но нет работ этих известных отечественных англоведов. Как следствие, всегда стоявший на правом фланге лейбористского движения Филипп Сноуден, в интерпретации диссертанта, оказывается, совмещал «радикальный социализм и либеральную финансовую ортодоксию (с.133).

Но в целом перед нами совершенно самостоятельное исследование, в определённой степени обогащающее научное знание по рассматриваемой проблеме. То, что в диссертации теоретико-политологический подход временами буквально захлёстывает подход конкретно-исторический, как и

ряд других изъятий работы, может рассматриваться в качестве следствия её междисциплинарного характера. Поэтому я склоняюсь к выводу, что диссертационное исследование Адамова Даниила Павловича «Политическая элита Великобритании в условиях национального кризиса (1918-1924 гг.)» соответствует требованиям п.9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением правительства Российской Федерации №74 от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время).

Официальный оппонент
доктор исторических наук
профессор кафедры всеобщей истории
Омского государственного университета
им.Ф.М. Достоевского

— профессор С.В.Фоменко

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
644077г. Омск, пр. Мира, 55а;
Тел.: (3812) 67 01 04;
E-mail: rector@omsu.ru; www.omsu.ru

Подпись проф
С.В. Фоменко
Завещаю проректору ИР
/С.В. Белкин/
20.06.18

